

Защита журналистов и средств массовой информации во время вооруженного конфликта

Александр Бальги-Галлуа*

Если вести отсчет с 1995 г.,¹ то больше всего журналистов погибло в 2003 г. — 42 человека. Причем многие из них были убиты в ходе последнего конфликта в Ираке. Во время военной кампании в процентном соотношении среди журналистов жертв было больше, чем среди военнослужащих вооруженных сил коалиции. В ходе освещения войны и последовавших за ней событий в Ираке погибли четырнадцать журналистов и сотрудников средств массовой информации, двое пропали без вести, а пятнадцать получили ранения. Следует упомянуть и о преднамеренных нападениях на журналистов на оккупированных территориях на Ближнем Востоке, о бомбардировке военно-воздушными силами НАТО в 1999 г. в Белграде сербского телерадиоцентра (СРТ), а также об обстрелах американской армией в Кабуле и Белграде представительств катарского телеканала «Аль-Джазира».

Общая тенденция выражается в ухудшении условий работы журналистов в период вооруженного конфликта: «... освещение военных событий становится все более опасным занятием для журналистов. Непредсказуемый характер нападений, которые пополняют список традиционных опасностей, связанных с войной, постоянно совершенствующиеся виды оружия, которые сводят на нет усилия по подготовке журналистов и меры по их защите, воюющие стороны, которые больше

* Александр Бальги-Галлуа преподает в университете «Париж I – Пантеон-Сорбонна» и Парижском католическом институте, а также является юридическим советником организации «Репортеры без границ».

озабочены тем, чтобы хорошо выглядеть в средствах массовой информации, а не тем, чтобы обеспечить безопасность сотрудников информационных агентств, — вот факторы, увеличивающие опасность, которой подвергается человек, ведущий репортаж о войне ...»².

В ответ на это вызывающее особую озабоченность положение организация «Репортеры без границ» разработала текст «Декларации о безопасности журналистов и средств массовой информации в ситуации вооруженного конфликта»³. 20 января 2003 г. эта Декларация была открыта для подписания, а 8 января 2004 г. — пересмотрена в свете иракских событий. Декларация призвана напомнить о принципах и нормах международного гуманитарного права, предоставляющих защиту журналистам и средствам массовой информации в период вооруженного конфликта и предлагает усовершенствовать некоторые положения права с тем, чтобы оно соответствовало требованиям современности. В связи с этим необходимо вновь сказать о незаконности нападений на журналистов и средства массовой информации и напомнить о обязанности властей принимать меры предосторожности, если они готовят нападение, в ходе которого могут пострадать журналисты, или принимают решение о таком нападении.

Незаконность нападений на журналистов и средства массовой информации

Утверждение о незаконном характере нападений на журналистов и средства массовой информации основывается на положениях о защите, которую международное гуманитарное право предоставляет гражданским лицам и гражданским объектам, а также на том факте, что средства массовой информации, даже если они выполняют пропагандистские

1 См. Reporters sans frontières, *Bilan 2003*, 8 p., документ представлен на сайте <http://www.rfs.org>.

2 *Ibid.* С. 3.

3 Текст Декларации был принят на совещании 20 января 2003 г., в работе которого участвовали представители Международного Комитета Красного Креста (МККК), некоторых неправительственных организаций («Международная амнистия», «Адвокаты без границ», «Врачи без границ» и др.), «Группы по проведению исследований и предоставлению информации по вопросам мира и безопасности», специалисты в области международного гуманитарного права, представители профессиональных организаций работников прессы, официальный представитель НАТО, а также официальный представитель министерства обороны США. Текст Декларации размещен на сайте <http://www.justice.rsf.org>.

задачи, не могут, за исключением отдельных случаев, рассматриваться в качестве военных объектов. Иными словами, даже если журналисты и оборудование, которое они используют, не наделяются особым статусом, на них распространяется общая защита, которая предоставляется гражданским лицам и объектам, если только они не вносят эффективного вклада в военные действия.

Защита, предоставляемая журналистам как гражданским лицам

В международном гуманитарном праве проводится различие, хотя им и не дается четкого определения, между двумя категориями журналистов, работающих в зонах вооруженного конфликта: военными корреспондентами, аккредитованными при вооруженных силах, и «независимыми» журналистами. К первой категории, как это указано в *Словаре международного публичного права*, относится любой «журналист, который находится в зоне проведения военных операций, имея на то разрешение вооруженных сил воюющей стороны и пользуясь защитой с их стороны, и выполняет задачу по предоставлению информации о событиях, связанных с военными действиями»⁴. Это определение соответствует практике, имевшей место во время Второй мировой войны и войны в Корее. Военный корреспондент носил форменную одежду, приравнивался к офицерам и находился в подчинении у командира того подразделения, к которому он был прикомандирован. Что же касается термина «журналист», то в соответствии с проектом Конвенции ООН 1975 г. он обозначает «...любого готовящего кино-, радио- и телематериалы корреспондента, репортера, фотографа, оператора и их ассистентов, для которых

⁴ Jean Salmon (dir.), *Dictionnaire de droit international public*, Bruylant, Bruxelles, 2001, p. 275. См. также материалы Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (МУТЮ), *Procureur c. Radoslav Brđjanin et Momir Talic* (IT-99-36), Постановление, касающееся промежуточной апелляции, 11 декабря 2002 г. (далее «дело Рандаля»), п. 29: «Под "военными корреспондентами" Апелляционная камера понимает лиц, которые выезжают в зону конфликта и находятся там в течение определенного времени с целью передачи информации, касающейся данного конфликта (или для сбора соответствующей информации). Настоящее постановление касается только этой группы лиц». Следует отметить, что в п. 29 МУТЮ не ссылаются на требование иметь разрешение вооруженных сил воюющей стороны и находиться под их защитой. Таким образом, определение военных корреспондентов трибуналом шире определения, которое дается в Словаре международного публичного права, и относится ко всем журналистам.

осуществление указанной деятельности обычно является основной профессией...»⁵.

- Защита военных корреспондентов

«Военные корреспонденты» относятся к недостаточно хорошо определенной категории «лиц, следующих за вооруженными силами, но не входящими в их состав непосредственно»⁶. Не входя в состав вооруженных сил, они являются гражданскими лицами и пользуются соответствующей защитой⁷. Кроме того, поскольку военные корреспонденты имеют определенное отношение к военным действиям, попадая в плен к неприятелю, они приобретают статус военнопленных при условии, что имели разрешение следовать за вооруженными силами⁸.

- Защита журналистов в опасных профессиональных командировках

Для того чтобы учесть требования времени, участники Дипломатической конференции, проходившей в Женеве в 1974–1977 гг., сочли целесообразным расширить статью 4.А(4) Женевской конвенции III и включить в текст Протокола I специальное положение, касающееся «мер по защите журналистов». Речь идет о статье 79 Протокола I, которая не вносит никаких изменений в режим защиты, предоставляемой военным корреспондентам:

«Статья 79 — Меры по защите журналистов

1. Журналисты, находящиеся в опасных профессиональных командировках в районах вооруженного конфликта, рассматриваются как гражданские лица в значении статьи 50, пункт 1.

5 Статья 2, (а) проекта Конвенции ООН о защите журналистов в опасных командировках в зонах вооруженного конфликта, 1 августа 1975 г., документ ООН А/10147, Annex I.

6 Статья 4.А(4) Женевской конвенции III от 12 августа 1949 г. об обращении с военнопленными (далее: «Женевская конвенция III»).

7 Это их качество подтверждается в статье 50(1) Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. (далее: «Протокол I»), которая косвенным образом относит лиц, упоминаемых в статье 4.А(4) Женевской конвенции III, к категории гражданских лиц.

8 Статья 4.А(4) Женевской конвенции III. В соответствии с Положением, прилагаемым к Гаагской конвенции 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны, и Женевской конвенцией 1929 г. об обращении с военнопленными газетные корреспонденты и репортеры имеют право лишь на «обращение как с военнопленными», но не получают статуса военнопленного.

2. Как таковые, они пользуются защитой в соответствии с Конвенциями и настоящим Протоколом при условии, что они не совершают никаких действий, несовместимых с их статусом гражданских лиц, и без ущерба праву военных корреспондентов, аккредитованных при вооруженных силах, на статус, предусмотренный статьей 4. А. (4) Третьей конвенции.
3. Они могут получать удостоверение личности согласно образцу, который приводится в Приложении II к настоящему Протоколу. Это удостоверение, выдаваемое правительством государства, гражданином которого является журналист, или на территории которого он постоянно проживает, или в котором находится информационное агентство, в котором он работает, удостоверяет статус его предьявителя как журналиста».

В статье 79 однозначно говорится, что любой журналист, находящийся в опасных командировках в зонах конфликта⁹, является гражданским лицом¹⁰ по смыслу статьи 50(1) и пользуется в силу этого полной защитой, предоставляемой всем международным гуманитарным правом гражданским лицам. Журналист получает, таким образом, защиту не только от последствий военных действий¹¹, но от произвола той или иной стороны в конфликте, когда он оказывается в ее власти, будучи захваченным в плен или задержанным¹². Составители Протокола I не захотели предоставлять журналистам особый статус, потому что «...любое увеличе-

9 «...Любая профессиональная деятельность, осуществляемая в зоне, где ведутся военные действия, является, по существу, опасной и к ней применяется данная норма...», поэтому нет необходимости как с юридической, так и с практической точки зрения устанавливать точные географические границы этой «зоны вооруженного конфликта». См.: Yves Sandoz, Christophe Swinarski et Bruno Zimmermann (éds.), *Commentaire des Protocoles additionnels du 8 juin 1977 aux Conventions de Genève du 12 août 1949*, CICR/Martinus Nijhoff Publishers, Genève, 1986, para. 3263.

10 Как отмечалось на Дипломатической конференции, статья 79(1) сформулирована не очень удачно: ведь по смыслу статьи 50(1), к которой отсылает статья 79, журналист не только «рассматривается как» гражданское лицо, но и «является» таковым.

11 См., например, статьи 48, 51, 57 и 85(3) Протокола I.

12 В соответствии с Женевской конвенцией от 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения во время войны (далее: «Женевская конвенция IV»). См. Ганс-Петер Гассер. Защита журналистов в опасных командировках. – М.: МККК, 1994. С. 16-18; Sylvie Boiton-Malherbe, *La protection des journalistes en mission périlleuse dans les zones de conflit armé*, Bruylant/ d. de l'Université de Bruxelles, Bruxelles, 1989, pp. 155-158.

ние числа особых статусов, которое будет неизбежно сопровождаться появлением новых защитных знаков, может привести к ослаблению защиты, предоставляемой в соответствии с уже принятыми статусами...»¹³. Важно также отметить, что удостоверение личности, о котором идет речь в п.3 статьи 79, не придает определенного статуса — оно лишь «удостоверяет статус его предъявителя, как журналиста». Право на статус гражданского лица не зависит от наличия этого удостоверения¹⁴. Положения, касающиеся защиты журналистов, содержатся только в документе, действующем в период международных вооруженных конфликтов (Протокол I), однако журналисты пользуются также защитой, которая предоставляется гражданским лицам в ситуации немеждународного вооруженного конфликта¹⁵.

При рассмотрении уже упоминавшегося дела *Рандаля* Апелляционная камера МУТЮ признала, что журналисты, командированные в зону вооруженного конфликта, служат «общественным интересам», так как «выполняют серьезнейшую миссию, привлекая внимание международной общественности к ужасам и реальности войны». По мнению членов Апелляционной камеры, признание существования этих общественных интересов обусловлено не тем, что журналисты принадлежат к особой профессиональной группе, а скорее тем, что осуществляемая ими работа по сбору и передаче информации позволяет членам международного сообщества получать важную информацию из зон конфликта. Для того чтобы у журналистов осталась возможность выполнять эту работу, Камера разрешила им не выступать в качестве свидетелей на суде по фактам, информацию о которых они получили, выполняя свои профессиональные обязанности. Заставить их сделать это можно только при двух условиях: во-первых, если их свидетельские показания имеют решающее

¹³ Sandoz, Swinarski et Zimmerman (éds.), *op. cit.* (примечание 9), para. 3265.

¹⁴ В этом отношении статья 79 закрепляет положение, утвержденное в 1949 г. Однако в соответствии с Женевской конвенцией 1929 г. наличие удостоверения личности, выданного военными властями, рассматривалось как условие обладания правом на обращение как с военнопленным.

¹⁵ См. статью 3, общую, Женевских конвенций, а также Дополнительный протокол от 8 июня 1977 г. к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (далее: Протокол II), в частности, статью 13.

значение при рассмотрении одного из центральных вопросов рассматриваемого дела; во-вторых, если соответствующее доказательство невозможно практически получить из другого источника¹⁶.

- Защита прикомандированных («*embedded*») журналистов

В какой-то степени двусмысленным является в настоящее время статус т.н. «прикомандированных» журналистов, то есть тех журналистов, которые следуют за воинскими частями во время войны. Явление само по себе не ново, новизна в том, каких масштабов оно достигло во время иракского конфликта 2003 г.¹⁷ На основании того, что эти журналисты были включены в состав американских и британских военных подразделений и приняли на себя обязательство следовать за воинской частью, к которой они прикомандированы¹⁸ и которая обеспечивает им защиту, их можно приравнивать к военным корреспондентам, упоминаемым в Женевской конвенции III. Если обратиться к руководящим принципам, регулирующим отношения со средствами массовой информации¹⁹, которые были разработаны министерством обороны Великобритании, то из них следует, что прикомандированным журналистам предоставляется статус военнопленных, если они попадают в плен²⁰. Од-

¹⁶ МУТЮ, дело *Рандаля*, *op.cit.*, (примечание 4), paras. 36, 38 et 50.

¹⁷ Прикомандированных журналистов было 700, из них 500 – американцы. Прикомандированные к американским вооруженным силам журналисты на 80% состояли из граждан США и на 20% – из иностранцев. Журналисты из состава британских вооруженных сил были исключительно подданными Ее Величества. См., в частности, *The role of embedded reporting during the 2003 Iraq war: Summary report*, доклад, подготовленный для Би-Би-Си группой сотрудников факультета журналистики Кардиффского университета в ноябре 2003 г.; Francois Bureau (directeur de l'information et de la communication, porte-parole du Ministère de la défense), «'Embedded': le reportage de guerre 'live'», ouvrage collectif, Edition du Centre national de la recherche scientifique (CNRS), Paris (готовится к печати).

¹⁸ См. l'Accord d'adhésion au règlement établi par le commandement terrestre des forces de coalition (CFLCC) a l'intention des médias, текст документа имеется на сайте <www.rsf.org>, rubrique: Textes de référence.

¹⁹ *The «Green Book» – Working arrangements with the media in times of emergency, tension, conflict or war* (документ был разработан после Фолклендского конфликта в 1982 г., в 1992 г. в его текст были внесены поправки). См. *The role of embedded reporting during the 2003 Iraq war, op. cit.* (примечание 17), para. 34. note 1.

²⁰ *The role of embedded reporting during the 2003 Iraq war, op. cit.*, (примечание 17), para. 57; Joel Simon, «Journalists are owed protection in wartime» (см. на сайте <<http://www.cpj.org/Briefings/2003/gulf03/gulf03.html>>).

нако из неофициальных источников стало известно, что французское военное ведомство считает, будто «прикомандированные», а также «независимые» журналисты имеют право только на статус гражданского лица, как это предусмотрено статьей 79 Протокола I. Необходимо прояснить эту ситуацию. Тем более что статус военнопленного, предоставленный военным корреспондентам, имеет для них практическое значение, в частности, в том, что касается допроса пленного и конфискации его личного имущества (статьи 17 и 18 Женевской конвенции III).

Во время иракского конфликта официальные представители Пентагона неоднократно обращали внимание журналистов, не имевших статуса «прикомандированных», на те опасности, которым они подвергались, не имея надлежащей аккредитации. Если прикомандированных журналистов принимали в войсках «как родных», то в отношении независимых репортеров проявлялось со стороны, в частности, американских сил полное безразличие к условиям их жизни и безопасности²¹. Тот факт, что во время иракской войны было убито и ранено такое большое число независимых журналистов, вызывает у некоторых опасение, что практика прикомандирования журналистов к воинским частям будет получать все большее распространение. Это вызывает озабоченность не только у журналистов, но и у широкой общественности, представители которой считают, что разнообразие источников информации и точек зрения имеет решающее значение для объективного и сбалансированного освещения войны²². Именно поэтому в вышеупомянутой Декларации о безопасности журналистов и средств массовой информации в ситуации вооруженного конфликта указывается, что «журналисты имеют право на одинаковую защиту независимо от своего профессионального статуса (независимые журналисты или журналисты, работающие на определенное агентство или средство массовой информации), гражданства, а также того факта, прикомандированы они или нет к вооруженным силам».

²¹ См. «Reporters sans frontières s'inquiète de la manière dont les forces américano-britanniques traitent les journalistes couvrant la guerre en Irak», сообщение для прессы от 31 марта 2003; «Reporters sans frontières demande aux autorités américaines de garantir la liberté et la sécurité des journalistes», сообщение для прессы от 19 марта 2003; см. на сайте <<http://www.rsf.org>>.

²² *The role of embedded reporting during the 2003 Iraq war, op. cit.*, (примечание 17), paras. 10, 11, 27, 33, 55–58.

Кроме того, существующая практика, заключающаяся в том, что независимые журналисты прибегают к услугам вооруженных телохранителей, может оказаться опасной для всего журналистского корпуса. 13 апреля 2003 г. один их сотрудников частного охранного предприятия, сопровождавших группу журналистов телекомпании «Си-Эн-Эн», которая направлялась в г. Тикрит, что на севере Ирака, открыл огонь из автоматического оружия, после того как на въезде в город была обстреляна колонна автомашин, на которых они передвигались. Некоторые журналисты обеспокоены этим событием, которое вводит новую практику, противоречащую всем профессиональным нормам. «Такой подход создает опасный прецедент, ставящий под угрозу жизнь всех других репортеров, которые освещают этот конфликт или будут освещать подобные конфликты в будущем. Существует реальная опасность того, что воюющие стороны решат, будто теперь во всех машинах работников прессы имеется оружие. (...) Журналисты могут и должны использовать средства, позволяющие гарантировать им безопасность (передвигаться на бронированных автомобилях и носить бронежилеты), однако использование сотрудников частных охранных агентств, которые, не раздумывая, применяют оружие, лишь затрудняет проведение различия между репортерами и комбатантами», — заявил Робер Бенар, генеральный секретарь организации «Репортеры без границ»²³.

- Прекращение защиты

В соответствии с пунктом 2 статьи 79 Протокола I, а также пунктом 3 статьи 51 журналисты пользуются защитой, предоставляемой международным гуманитарным правом, за исключением случаев, когда они принимают непосредственное участие в военных действиях. Прекращение защиты наступает не при выполнении журналистами их обычной работы (выезд в зону конфликта, взятие интервью, написание заметок, фотографирование или киносъемка, звукозапись, передача этих материалов в газету или агентство), а в том случае, если они проявляют активность, которая способствует непосредственно и существенным образом

²³ «Irak (13 avril 2003). Une équipe de CNN essuie des coups de feu; son garde du corps répond l'arme automatique», сообщение для прессы «Репортеров без границ» от 13 апреля 2003. См. на сайте <<http://www.rsf.org>>.

успеху военных действий. Термин «непосредственное» является дополнительным условием, позволяющим отказать в защите и предусматривающим тесную связь между поведением журналиста и последствиями, которые оно имеет для ведения военных действий²⁴. Как указывается в Комментарие к пункту 3 статьи 51, «враждебный акт (или непосредственное участие в военных действиях) – [...] это акт войны, который в соответствии с его характером и целью выражается в нанесении конкретных ударов по личному составу и материальной части вооруженных сил противника»²⁵. Распространение журналистом материалов пропагандистского характера не может рассматриваться как такое участие (см. выше).

Именно во время непосредственного участия в военных действиях журналист утрачивает свою неприкосновенность и становится законным объектом нападения. Прекратив участвовать в военных действиях, он снова обретает право на защиту от последствий этих действий. Власти, которые берут журналиста в плен во время совершения им враждебных действий или после этого, могут применить к нему меры пресечения или меры по обеспечению безопасности в соответствии со статьей 45 («Защита лиц, участвующих в военных действиях») Протокола I, а также на основании положений Женевской конвенции IV (интернирование, принудительное поселение, и т.п.). Кроме того, поскольку журналист не является военным служащим, на основании статьи 37 (1) Протокола I его могут обвинить в вероломстве.

*Защита средств массовой информации
как гражданского имущества*

Оборудование радио- и телестанций является гражданским объектом, поэтому оно пользуется общей защитой. Уже в начале XX века в

²⁴ См. Jean Mirimanoff-Chilikine, «Protection de la population et des personnes civiles contre les dangers résultants des opérations militaires», *Revue belge de droit international*, Vol. VII, 1971-1972, pp. 634 et 639.

²⁵ Actes de la Conférence diplomatique de 1974-1977, Vol. XIV, pp. 14-15, para. 8, CICR, CDDH/III/Sr.2. Анализ понятия «непосредственное участие в военных действиях» дается в: *Le droit international humanitaire et les d fis pos s par les conflits arm s contemporains*, rapport préparé par le CICR pour la XXVIIIe Conférence internationale de la Croix-Rouge et du Croissant-Rouge, Genève, décembre 2003, annexe 1, pp. 26, 27 et 28.

международном гуманитарном праве закрепилось запрещение подвергать нападению гражданское имущество, запрещение, которое получило подтверждение в Протоколах 1977 г., а также в Статуте Международного уголовного суда²⁶.

Так, статья 48 Протокола I содержит двойное обязательство для сторон, находящихся в конфликте — всегда проводить различие между гражданскими объектами и военными объектами и, следовательно, направлять свои действия только против военных объектов. А это означает, что гражданские объекты, как и гражданское население, пользуются общей защитой, порядок предоставления которой определен в статье 52²⁷. В статье 85 того же Протокола нападение на гражданское население или гражданских лиц рассматривается как военное преступление, однако в этом документе отсутствуют аналогичные положения, касающиеся гражданских объектов в целом. Тем не менее, военным преступлением считается нападение, направленное против некоторых объектов, находящихся под особой защитой, то есть, сооружений и установок, содержащих опасные силы, необороняемых местностей, демилитаризованных зон, исторических памятников и произведений искусства, а также мест отправления культа. Протокол II вообще не предусматривает общей защиты гражданских объектов — защита предоставляется лишь некоторым конкретным объектам, имеющим особое значение для гражданского населения: медицинским формированиям и санитарно-транспортным

²⁶ См. статьи 23(ж), 25 и 27 Положения о законах и обычаях сухопутной войны (Приложение к Гаагской конвенции IV 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны); статьи 1 и 5 Гаагской конвенции IX 1907 г. о бомбардировании морскими силами во время войны; статья 33(2), (3) и (5) и статья 147 Женевской конвенции IV, Гаагскую конвенцию 1954 г. о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта и два ее Протокола; статьи 48, 52, 53, 54, 56, 85(3)(с) и (d) и статья 85(4)(d) Протокола I; статьи 11, 14, 15 и 16 Протокола II; статья 3(7) Протокола о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств с поправками, внесенными 3 мая 1996 г. (Протокол II к Конвенции 1980 г. о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия); статья 8(2) Римского статута Международного уголовного суда (17 июля 1998 г.), Док. ООН A/CONF.183/9; статья 20(a) (iv) и (e) (ii) Проекта кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, подготовленный Комиссией международного права, Док. ООН A/51/10.

²⁷ По просьбе представителя Франции статья 52 Протокола I была поставлена на голосование. Ее утверждают 79 голосами при 7 воздержавшихся, голосов против подано не было. *Акты Дипломатической конференции 1974-1977 гг.*, том VI, с. 178, п. 149, ICRC/SR.41.

средствам, объектам, необходимым для выживания гражданского населения и культурным ценностям.

- Определение гражданского объекта

Как и в случае с «гражданскими лицами», в Протоколе I содержится определение «гражданского объекта» от противного: гражданским считается любой объект, который не является военным (ст. 52(1)). В пункте 3 статьи 52 приводятся лишь три примера гражданских объектов: там упоминаются место отправления культа, жилой дом и школа. Во время вынесения своего первого обвинительного приговора по делу Блашкича в связи с незаконными нападениями, Камера первой инстанции МУТЮ определила гражданский объект «как любой объект, который не может на законных основаниях рассматриваться как военный объект»²⁸. Такой метод давать определение от противного позволяет, по крайней мере, избежать дублирования и охватить все объекты. Используемые средствами массовой информации оборудование и установки, которые не применяются в военных целях и не отвечают требованиям статьи 52(2) (см. ниже), относятся к гражданским объектам, которые «... не должны являться объектом нападения или репрессалий ...» (ст. 52(1)).

- Презумпция использования объекта

в гражданских целях в случае сомнения

В соответствии с пунктом 3 статьи 52 Протокола I объекты, которые обычно предназначены для гражданских целей, в том числе оборудование радио- и телестанций, пользуются «презумпцией использования в гражданских целях» в том случае, если на этот счет возникает сомнение. Эти объекты следует рассматривать именно таким образом, даже если они находятся в зоне соприкосновения с противником²⁹. Конечно, презумпция может быть противоположной, но и в этом случае военные должны действовать с учетом требования принимать меры предосторожности, предусмотренные в статье 57 («Меры предосторожности при нападении») Протокола I, и учитывать общую цель, которую преследует

²⁸ МУТЮ (ТРИУ), *Procureur c. Tihomir Blaskic* (IT-95-14), Jugement du 3 mars 2000 (далее: «дело Блашкича»), para.180.

²⁹ Sandoz, Swinarski et Zimmerman (éds), *op. cit.* (примечание 9), p. 654, paras. 2031–2034.

Протокол и которая заключается в том, чтобы обеспечить защиту гражданского населения и гражданских объектов.

Эта презумпция, как и положение пункта 1 статьи 50, требующее считать гражданским любое лицо в случае возникновения сомнения относительно его статуса, рассматривалась в 1977 г. как норма совершенно новая, более прогрессивная по сравнению с обычным правом. Если бы ее действительно соблюдали, она существенным образом способствовала бы усилению защиты гражданских объектов и лиц³⁰.

- Обычный характер нормы, запрещающей совершать нападения на гражданские объекты

В большинстве работ на эту тему можно найти подтверждение тому, что общая защита гражданских объектов, предусмотренная в статье 52 Протокола I, соответствует обычной норме международного гуманитарного права³¹. В Комментариях к Протоколу говорится, что «... в целом государства признали, что нападениям должны подвергаться только военные объекты ...»³². Кроме того, в международной практике существует немало примеров, подтверждающих, что запрещение нападений на гражданские объекты является обычной нормой международного гуманитарного права, применяемой в период как международных, так и внутренних вооруженных конфликтов³³.

30 В представленном Конгрессу США докладе о ведении военных действий во время войны в Персидском заливе в 1991 г. Госдепартамент однозначно заявил, что рассматривает пункт 3 статьи 52 исключительно как договорную норму, а не как кодификацию обычной практики государств, см.: «Report to Congress on the Conduct of the Persian Gulf War, Appendix O: The Role of the Law of War», United States Department of Defense, 10 апреля 1992, *International Legal Materials*, Vol. 31, май 1992, p. 627.

31 Например, Philippe Bretton, «Remarques sur le *jus in bello* dans la guerre du Golfe (1991)», *Annuaire français de droit international*, Vol. 37, 1991, p. 151; Henri Meyrowitz, «La guerre du Golfe et le droit des conflits armés», *Revue générale de droit international public*, Vol. 96, 1992, p. 574; Waldemar A. Solf, «Protection of civilians against the effects of hostilities under customary international law and under Protocol I», *American University Journal of International Law and Policy*, Vol. 1, 1986, pp. 129–130.

32 Sandoz, Swinarski et Zimmerman (éds.), *op. cit.*, (примечание 9), para. 2000.

33 Подробнее см. диссертацию автора на соискание степени доктора наук: Alexandre Balguys-Gallois, *Droit international et protection de l'individu dans les situations de troubles intérieurs et de tensions internes*, Université Paris I Panthéon-Sorbonne, Paris, 2003, pp. 610–622.

- Прекращение действия режима защиты, которая распространяется на гражданские объекты

Как явствует из вышеупомянутых документов по международному гуманитарному праву, неприкосновенность, которая распространяется на гражданские объекты и объекты, находящиеся под защитой, не является абсолютной и утрачивает свою силу, если эти объекты используются во враждебных целях. На законных основаниях нападениям могут подвергаться гражданские объекты (корабли, самолеты, автомобили, сооружения), на которых находятся военнослужащие, военное оборудование и материалы или оборудование и материалы, которые так или иначе вносят эффективный вклад в военные действия, несовместимый с их статусом. В международной практике можно обнаружить подобные примеры; аналогичную точку зрения высказывали многие правоведы, в частности, в отношении утраты неприкосновенности, которая распространялась на некоторые объекты, находящиеся под защитой³⁴.

Так, возвращаясь к факту обстрела радио- и телецентра Сербии (СРТ), можно сказать, что если оборудование центра действительно использовалось для передачи информации вооруженным силам и спецподразделениям полиции Союзной Республики Югославии, следственная

³⁴ Подробнее см.: Institut de droit international, «La distinction entre les objectifs militaires et non militaires en général et notamment les problèmes que pose l'existence des armes de destruction massive», para. 4, *Annuaire de l'Institut de droit international*, Vol. 53, Tome II, 1969, p. 360; Бюллетень Генерального секретаря «Соблюдение войсками Организации Объединенных Наций международного гуманитарного права», ST/SGB/1999/13 от 6 августа 1999 г. В отношении США см.: *Report to Congress on the Conduct of the Persian Gulf War, op. cit.* (примечание 30), pp. 622 et 626; United States Department of the Army, Headquarters, *Field Manual, FM 27-10, The Law of Land and Warfare*, 18 July 1956, Change n° 1, 15 July 1976, para. 45 a) (далее: «Руководство для сухопутных сил США»). В отношении Великобритании см. заявление, касающееся статьи 53 («Защита культурных ценностей и мест отправления культа») Протокола I, которое это государство сделало при подписании, а затем во время ратификации Протокола I: United Kingdom War Office, «WO Code N° 12333, The Law of War on Land» being Part III of the *Manual of Military Law*, 1958, paras. 300–303 (далее: «Руководство по военному праву Великобритании»). В отношении Франции см. оговорки и заявления Франции при присоединении к Протоколу I 11 апреля 2001 г. (para. 13), а также l'article 9 bis du décret n° 75–675 portant Règlement de discipline générale dans les armées du 28 juillet 1975, *Journal officiel, Lois et décrets (J.O.)*, 30 juillet 1975, pp. 7732–7738, modifié par le décret n° 82–598 du 12 juillet 1982, *J.O.*, 13 juillet 1982, pp. 2229–2231). Тексты оговорок и заявлений государств относительно Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним можно найти на сайте Федерального совета Швейцарии, который является депозитарием этих договоров: <<http://www.eda.admin.ch/eda/f/home/foreign/intagr/train/iprotection.html>>.

комиссия МУТЮ могла с полным основанием утверждать, что это оборудование вполне законно рассматривалось силами НАТО как военный объект³⁵.

Могут ли средства массовой информации быть военными объектами?

Международное гуманитарное право требует, чтобы нападения осуществлялись лишь на «военные объекты»³⁶. И хотя на смену политической доктрине «тотальной войны» пришла доктрина «ограниченной войны», в результате чего категория военных объектов подверглась значительному сокращению, количество объектов, которые можно отнести к этой категории, еще чрезвычайно велико. В качестве таких объектов — при соблюдении определенных условий — рассматриваются установки и оборудование радио- и телестанций (см. документы МККК³⁷, труды в этой области³⁸ и Гаагскую конвенцию 1954 г. о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта³⁹).

35 TPIY, Final Report to the Prosecutor by the Committee Established to Review the NATO Bombing Campaign Against the Federal Republic of Yugoslavia, 8 juin 2000, paras. 55, 75 et 76; текст документа имеется на сайте <<http://www.un.org/icty/pressreal/nato061300.htm>> (далее: «Final Report NATO Bombing»). 23 апреля 1999 г. в 2.20 ночи натовские самолеты умышленно подвергли бомбардировке здание радиотелецентра Сербии (Radio Televizija Srbije, далее: «СРТ»), которое расположено в самом центре Белграда. В результате этого нападения, по меньшей мере, 16 человек погибли и 16 получили ранения. Это были гражданские лица (техники и другие сотрудники центра), которые находились на рабочих местах в момент бомбардировки. На основании имевшейся информации комиссия, созданная Обвинителем Трибунала для расследования случаев бомбардировки силами НАТО Союзной Республики Югославии, представила 8 июня 2000 г. бюро Обвинителя окончательный доклад, в котором содержалась рекомендация не начинать расследования этого случая (см., напр., Reporters sans frontières, Radiotélévision de Serbie: chronique d'un martyre annoncé, rapport, novembre 2000, 28 p.).

36 Статья 52(2) Протокола I.

37 *Projet de Règles limitant les risques courus par la population civile en temps de guerre*, CICR, Genève, 1956, Annexe: Liste des catégories d'objectifs militaires selon l'article 7, alinéa 2, voir p. 71, p.1.7); документ имеется на сайте <<http://www.icrc.org/dih.nsf/0/2131a46f908304bcc12563140043ab32?OpenDocument>>.

38 Например, Anthony P.V. Rogers, *Law on the Battlefield*, Manchester University Press, Manchester, 1996, p. 37.

39 Гаагская конвенция 1954 г. о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, статья 8 (1) (а).

- Определение «военного объекта»

Объект должен соответствовать критериям, приводимым в статье 52(2) Протокола I, в которой дается определение «военного объекта», для того чтобы его можно было считать законной целью:

- в силу своего характера, расположения, назначения или использования они вносят эффективный вклад в военные действия (критерий постоянный);

- их полное или частичное разрушение, захват или нейтрализация при существующих в данный момент обстоятельствах дает явное военное преимущество (критерий переменный).

Эти два условия, предусмотренные в статье 52(2), должны соблюдаться одновременно. Как только в каждом конкретном случае это происходит, мы имеем дело с военным объектом согласно Протоколу I. Нападение на объект, который не отвечает этим двум требованиям, носит незаконный характер⁴⁰.

В первой части определения военного объекта перечисляются главные факторы (характер, расположение, назначение и использование), на основании которых при отсутствующем втором критерии военные командиры получили бы самую широкую свободу для определения военного характера того или иного объекта. Требование вносить «эффективный вклад в военные действия» определяет зависимость гражданского или военного характера объекта от того воздействия, которое он оказывает или же не оказывает на ход военных действий.

Вторая часть определения сужает категорию военных объектов, сводя ее только к тем объектам, разрушение которых при существующих в данный момент обстоятельствах «дает явное военное преимущество». Другими словами, нападения являются незаконными, если они могут дать лишь неопределенные преимущества⁴¹. Требование явного военного преимущества предполагает незаконность всякого действия, влекущего разрушение объектов, не представляющих для военных никакой цен-

⁴⁰ См. ТПИУ, *Final Report NATO Bombing*, para. 55.

⁴¹ Sandoz, Swinarski et Zimmerman (éds), *op. cit.* (примечание 9), para. 2024; сравните с W. Hays Parks, «Air war and the law of war», *Air Force Law Review*, Vol. 32, N° 1, 1990, pp. 141-145.

ности⁴². Норма, содержащаяся в статье 52 (2), представляет собой как с теоретической, так и практической точки зрения применение одновременно и принципа военной необходимости, и принципа недопущения нанесения излишних страданий⁴³. Выражение «при существующих в данный момент обстоятельствах» имеет целью не допустить, чтобы военные командиры пользовались готовыми и абстрактными определениями военных объектов (напр., «железнодорожный узел является военным объектом», «телецентр является военным объектом» и т. п.). Вместо этого им необходимо выяснить, представляет ли железнодорожный узел или телецентр, разрушение которых совсем недавно давало явное военное преимущество, все еще такой же интерес с военной точки зрения; в противном случае этот объект более нельзя рассматривать в качестве военного объекта, который можно подвергать нападению⁴⁴.

По мнению большинства исследователей в области гуманитарного права, определение военного объекта, которое приводится в статье 52 Протокола I, является выражением обычного права⁴⁵. В июне 2000 г. к такому же выводу пришла комиссия, которой было поручено изучить ход воздушных бомбардировок территории бывшей Югославии силами НАТО⁴⁶. Примечателен тот факт, что США, которые так и не ратифицировали Протокол I, тем не менее, официально заявили о своем принятии положения, закрепленного в статье 52(2), внося уже в 1976 г. в текст Ру-

⁴² См. ric David, *Principes de droit des conflits arm s*, Bruylant, Bruxelles, 2002, p. 270; Henri Meyrowitz, «Les juristes devant l'arme nucléaire», *Revue g n rale de droit international public*, Vol. 68, 1963, p. 844.

⁴³ Henri Meyrowitz, «Le principe des maux superflus. De la Déclaration de Saint-Pétersbourg de 1868 au Protocole additionnel I de 1977», *Revue internationale de la Croix-Rouge*, N° 806, mars-avril 1994, p. 122.

⁴⁴ Meyrowitz, *op. cit.* (примечание 43), p. 121; Frits Kalshoven, «Reaffirmation and Development of Humanitarian International Law Applicable in Armed Conflicts: the Diplomatic Conference, Geneva, 1974-1977», *Netherlands Yearbook of International Law*, Vol. 9, 1978, p. 111.

⁴⁵ Например, CICR, *International humanitarian law and the challenges of contemporary armed conflicts*, *op. cit.*, (примечание 25), p. 14; Judith Gail Gardam, *Non-combatant immunity as a norm of international humanitarian law*, Martinus Nijhoff Publishers, Dordrecht, 1993, p. 155; William J. Fenrick, «Targeting and proportionality during the NATO bombing campaign against Yugoslavia», *European Journal of International Law*, Vol. 12, 2001, p. 494.

⁴⁶ TPIY, *Final Report NATO Bombing*, *op. cit.*, (примечание 35), para. 42.

ководства для военнослужащих по праву войны на суше поправку, в которой дословно воспроизводится текст этой части статьи 52⁴⁷.

- Двойное использование (в гражданских и военных целях) оборудования средств массовой информации

В настоящее время, когда развитие техники достигло высокого уровня, нередко объекты и ресурсы используются с двойной целью — гражданской и военной, что отражается на режиме защиты этих объектов. Гражданские объекты (дороги, включая железные, школы и т.п.), которые временно используются в военных или как в военных, так и в гражданских целях, могут подвергаться нападению на законных основаниях⁴⁸. Так, 27 марта 2003 г. в Багдаде коалиционные силы дважды наносили бомбовые удары по министерству информации, хотя всем было известно, что в здании располагались офисы международных информационных агентств. После того, как 8 апреля 2003 г. в Багдаде американский танк подверг обстрелу гостиницу «Палестина», в которой находились представители зарубежных средств массовой информации, официальный представитель министерства обороны США заявил, что уже на протяжении 48 часов гостиница рассматривалась как военный объект, поскольку там проходили совещания иракских руководителей⁴⁹. Во время проведения военно-воздушных операций в Югославии представители НАТО оправдывали бомбардировку сербского радио- и телецентра тем, что это учреждение использовалось не только в гражданских, но и в военных целях: помимо гражданских функций, он выполнял и только военные, так как его оборудование было подключено к сети КЗ (команд-

⁴⁷ *U.S. Army Field Manual*, para. 40(c).

⁴⁸ См. Yves Sandoz, et al., *op. cit.* (примечание 9), para. 2196; *Rapport final de la Commission d'experts constituée conformément à la résolution 780 (1992) du Conseil de sécurité*, annexé à la lettre, en date du 24 mai 1994, adressée au président du Conseil de sécurité par le secrétaire général, document ONU S/1994/674, 27 mai 1994, para. 206; U.S., *Report to Congress on the Conduct of the Persian Gulf War*, *op. cit.*, (примечание 30), p. 623 et *U.S. Army Field Manual*, paras. 401, 403, 404, 410.

⁴⁹ См. Reporters sans frontières, «Deux meurtres pour un mensonge», enquête de Jean-Paul Mari, janvier 2004, p. 14 (на сайте <<http://www.rsf.org>>).

но-контрольная и коммуникационная сеть сербской армии)⁵⁰. В своем окончательном докладе специальная комиссия МУТЮ пришла к заключению, что если оборудование телецентра действительно использовалось также вооруженными силами, оно являлось военным объектом⁵¹. Как представляется, этот вывод комиссии соответствует духу и букве Протокола I: нападение на объект, который используется с двойной целью, — законно, если соблюдаются условия, предусмотренные в статье 52(2) Протокола I. Аналогичным образом, если, как утверждал американский представитель в оправдание бомбового удара, нанесенного 12 ноября 2002 г. в здании арабского телевидения «Аль-Джазира» размещались офисы талибов, а также «Аль-Каиды», то эта телестанция являлась законной военной мишенью⁵². Однако в любом случае, когда идет речь об объекте двойного использования, стороны в конфликте должны с большей ответственностью подходить к обязательству принимать необходимые меры предосторожности.

- Становится ли военным объектом средство массовой информации, используемое в пропагандистских целях?

Во время иракского конфликта 2003 г. британские средства массовой информации подвергались словесным нападкам со стороны некоторых министров и парламентариев, которые обвиняли их в том, что они играли на руку иракской пропаганде⁵³. За четыре года до этого некото-

⁵⁰ Тексты соответствующих докладов представителей НАТО содержатся в следующих документах: ТРИУ, *Final Report NATO Bombing*, paras. 72, 73 et 75; *Kosovo/Operation Allied Force. After Action Report*, U.S. Department of Defense, доклад был представлен в Конгресс 31 июня 2000 г., текст доклада размещен на сайте <http://www.defenselink.mil/pubs/kaar02072000.pdf>; *Intervention de l'OTAN en Yougoslavie. Dommages collatéraux ou homicides illégaux? Violations du droit de la guerre par l'OTAN lors de l'opération «Force alliée»*, Amnesty International, Londres, juin 2000, p. 39, см. на сайте <http://www.amnesty.org>, AI-index EUR 70/018/00.

⁵¹ ТРИУ, *Final Report NATO Bombing*, paras. 55, 75 et 76.

⁵² Информацию об афганских событиях можно найти в *Rapport annuel 2002* на сайте организации «Репортеры без границ».

⁵³ Коммюнике организации «Врачи без границ» «Royaume-Uni (8 avril 2003). Certains médias pris parti par des ministres et des parlementaires pour leur couverture de la guerre en Irak» (см. на сайте <http://www.rsf.org>).

рые представители НАТО⁵⁴ публично оправдывали бомбардировку сербского радиовещательного и телевизионного центра в Белграде желанием нейтрализовать этот источник пропаганды⁵⁵. И хотя ни у кого не вызывает сомнения, что сербское радио и телевидение действительно выполняло эту функцию, при взвешенном толковании статьи 52 Протокола I следует не согласиться с аргументом в пользу того, что только пропаганду следует рассматривать как оправдание нападений на средства массовой информации.

По этому вопросу комиссия, учрежденная МУТЮ, заняла четкую и твердую позицию. Как явствует из ее доклада, средство массовой информации не является «законной мишенью» только потому, что распространяет пропагандистские материалы, хотя эта деятельность вносит определенный вклад в военные действия⁵⁶. Кроме того, в докладе уточняется, что моральное состояние населения как таковое также нельзя рассматривать в качестве «законного военного объекта»⁵⁷. Подобное утверждение встречается, в частности, в доктрине обороны Великобритании, опубликованной в 1996 г.⁵⁸, а также в докладе, представленном Фолкером Крэннингом Парламентской ассамблее НАТО в ноябре 1999 г.⁵⁹ Здесь наблюдается отход от доктрины «тотальной войны», которая впервые была

54 Тексты заявлений представителей НАТО приводятся в: ТРИУ, *Final Report NATO Bombing*, para. 74; Amnesty International, *op. cit.* (примечание 50), pp. 39-40; *Civilian Deaths in the NATO Air Campaign*, Human Rights Watch, New York, февраль 2000, <http://www.hrw.org/reports/2000/nato/index.htm>; Claudio Cordone et Ayner Gidron, «Kosovo et droit de la guerre. L'attaque contre les studios de la télévision serbe», *Le Monde diplomatique*, juillet 2000, pp. 18-19.

55 Французский словарь «Le Petit Robert» дает следующее толкование термина «пропаганда»: «... воздействие на общественное мнение с целью внедрения определенных социально-политических идей, поддержания определенной политики, правительства, ...»

56 ТРИУ, *Final Report NATO Bombing*, paras. 47, 55, 74 et 76. Комиссия МУТЮ тем не менее считает, что в данном случае пресечение пропагандистской деятельности СРТ было для НАТО лишь второстепенной задачей, дополнявшей главную – нейтрализацию сети КЗ.

57 *Ibid.*, paras. 55 et 76.

58 *Doctrine de défense britannique* (JWP 0-01): «... подрывать моральное состояние гражданского населения противной стороны незаконно...» (цитируется по тексту статьи А.П.В. Роджерса «Война без потерь», *Международный журнал Красного Креста. Сборник статей*, 2000 г. – М.: МККК, декабрь 2001, с. 19).

59 *Le Kosovo et le droit international humanitaire*, Assemblée parlementaire de l'OTAN, Commission des affaires civiles, 45e session annuelle, Volker Kröning (Allemagne), rapporteur spécial, Amsterdam, novembre 1999, p. 9, para. 18.

осознанно изложена в трактате прусского генерала фон Клаузевица «О войне»⁶⁰. В соответствии с этой доктриной «сокрушение воли противника также является целью войны» — эти слова любил повторять Уинстон Черчилль⁶¹. Если бы психологическое воздействие на население было признано в качестве законной цели войны, насилие стало бы беспредельным, как это было во время Второй мировой войны. Поэтому нельзя не согласиться с тем, что говорится в одном из заявлений организации «Международная амнистия»:

«"Международная амнистия" признает, что дезорганизация официальной пропаганды может способствовать подрыву морального духа населения и вооруженных сил, но считает, что, оправдывая этим нападение на гражданские объекты, можно настолько расширить понятия «эффективный вклад в военные действия» и «явное военное преимущество» [ст. 52(2) Протокола I], что они перейдут допустимые пределы»⁶².

Тем не менее, разрешаются не все формы пропаганды. Запрещена пропаганда, подстрекающая к совершению серьезных нарушений международного гуманитарного права, актов геноцида или насилия, а средства массовой информации, которые распространяют такую пропаганду, могут стать объектом нападения на законных основаниях: «Вопрос о том, можно ли на законных основаниях совершать нападение на средства массовой информации, подлежит обсуждению. Если информационный орган используется для того, чтобы подстрекать к совершению преступ-

⁶⁰ Карл фон Клаузевиц. О войне. — М.: Эксмо, 2003.

⁶¹ Концепция тотальной войны была отвергнута Нюрнбергским военным трибуналом по той причине, что «эта концепция лишает всякой ценности нравственные принципы, лежащие в основе конвенций, призванных придать вооруженным конфликтам более гуманный характер», Tribunal militaire de Nuremberg, Jugement du 30 septembre — 1er octobre 1946, *Proc s des grands criminels de guerre devant le Tribunal international, Nuremberg, 14 novembre 1945 — 1er octobre 1946*, Nuremberg, 1947–1949, Vol. I, p. 238.

⁶² Amnesty International, *op. cit.*, (примечание 50), p. 40.

лений, как в Руанде, — он является законной военной целью...»⁶³. Трудно однозначно определить, в какой степени являются законной целью органы, призывающие к геноциду, такие как «Радио тысячи холмов» и газета «Кангура» (Руанда, 1994 г.)⁶⁴. Положительный ответ можно, очевидно, найти в толковании статьи 52(2) Протокола I или принципа прекращения действия защиты в случае участия в военных действиях. Созданная МУТЮ комиссия утвердительно ответила на поставленный вопрос: «Если средство массовой информации используется для подстрекательства к совершению преступлений, как, например, в Руанде, его можно рассматривать на законных основаниях в качестве военного объекта»⁶⁵.

Существует и другое толкование: «средства массовой информации, разжигающие ненависть», можно рассматривать как законные цели в рамках выполнения мер по пресечению нарушений Женевских конвенций (ст. 49/50/129/146) и Протокола I (ст. 85). Нужно ли напоминать, что, в соответствии со статьей 1 четырех Женевских конвенций 1949 г. и Протокола I, Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются соблюдать и «заставлять соблюдать» эти договоры?

Обязательство принимать меры предосторожности при нападении, в ходе которого могут пострадать журналисты и средства массовой информации

Законность нападения зависит не только от характера объекта, на который оно направлено (военный объект), но также от того, выполня-

⁶³ ТПИУ, *Final Report NATO Bombing*, para. 47, voir aussi paras. 55 et 76; см. также: Canada, Bureau du Juge-avocat général, *Le droit des conflits armés au niveau opérationnel et tactique* (B-GG-005-027/AF-020), 2001, para. 30 («Opérations psychologiques») (далее: «Руководство для канадских военнослужащих»): 2... законный характер носят не все формы пропаганды. Запрещена пропаганда, подстрекающая к незаконным военным действиям, таким как убийство гражданских лиц, совершение убийства или нанесение ранений с использованием вероломства, применение ядов или отравленного оружия»; см. также Human Rights Watch, *op. cit.* (примечание 54).

⁶⁴ См. постановление, принятое Международным уголовным трибуналом для Руанды (МУТР) по делу «Процесс над средствами массовой информации», TRIP, *Procureur c. Ferdinand Nahimana, Jean-Bosco Barayagwiza, Hassan Ngeze* (ICTR-99-52-T), jugement et sentence, 3 décembre 2003, et TRIP, *Procureur c. Georges Ruggiu* (ICTR-97-32-I), décision du 1er juin 2000. В этих документах нет ссылки на понятие «военного объекта». См. также комментарий автора относительно постановления от 3 декабря 2003 г. по делу *Ferdinand Nahimana, Jean-Bosco Barayagwiza, Hassan Ngeze* в *Revue générale de droit international public*, *Chronique de jurisprudence internationale*, 2004 (готовится к печати).

⁶⁵ ТПИУ, *Final Report NATO Bombing*, para. 55.

ются ли при этом обязательства принимать меры предосторожности, в частности, соблюдается ли принцип соразмерности и обязательство оповещать гражданское население о готовящемся нападении. В этом отношении журналисты и средства массовой информации пользуются не особым статусом, а общей защитой, которую Протокол I предоставляет гражданским лицам и гражданским объектам в период военных действий.

Принцип соразмерности: ограничение неприкосновенности журналистов и средств массовой информации

В июне 1999 г. во время бомбардировки военно-воздушными силами НАТО сербского телецентра в Белграде погибло не менее 16 человек и 16 получили ранения (электротехники, гримерша, монтер, охранники). Вещание было прервано; передачи СРТ возобновились через три часа после бомбардировки. Некоторые сочли, что человеческие жертвы были слишком велики по сравнению с преимуществом, полученным в результате этого нападения, таким образом вставал вопрос о возможном нарушении принципа соразмерности.

Этот принцип был кодифицирован лишь в 1977 г., когда его сформулировали в статьях 51(5)(b) и 57(2)(a)(iii) Протокола I⁶⁶. Он представляет собой попытку свести к минимуму «случайные потери», которые могут повлечь за собой военные операции. Этот принцип служит критерием, позволяющим определить, в какой степени можно оправдать случайные потери с точки зрения международного гуманитарного права: между разрушительными последствиями законного характера и нежелательными случайными потерями должно существовать какое-то разумное соотношение. И действительно, из вышеперечисленных статей явствует, что в соответствии с принципом соразмерности случайный ущерб («... нападение, которое, как можно ожидать, *попутно* (выделено автором) повлечет ...»), который может быть причинен при нападении, то есть, потери среди населения и ущерб находящимся под защитой объек-

⁶⁶ В такой же формулировке он приводится в статье 3(3)(c) Протокола II о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств к Конвенции 1980 г. о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, а также в статье 3(8)(c) того же Протокола с поправками, внесенными 3 мая 1996 г.

там, не должен быть чрезмерным по отношению к военному преимуществу, которое предполагается получить.

- «Чрезмерные» потери и ущерб

Слово «чрезмерный», которое встречается в тексте вышеуказанных статей, является ключевым для определения соразмерности. Те, кто ведет подготовку нападения, принимает соответствующее решение и исполняет его, должны проводить различие между ущербом чрезмерным и ущербом допустимым. Они должны производить оценку операции с военной точки зрения, а также в плане возможных потерь среди гражданского населения, и если эти потери будут чрезмерными — отказаться от ее проведения. Оценка, которая должна производиться военными командирами, в высшей степени субъективна, потому что речь идет о том, чтобы сравнить вещи, не подлежащие сравнению, установить взаимосвязь между вещами, по своей природе в корне отличающимися друг от друга, то есть, между военным преимуществом и страданиями гражданского населения⁶⁷. И конечно, чем больше военное преимущество, которое предполагается получить, тем значительнее допускаются потери среди гражданского населения и ущерб, причиняемый гражданским объектам.

- «Предполагаемые» потери и ущерб

Соблюдение принципа соразмерности основывается на том, каким образом воюющие стороны понимают последствия совершаемых ими нападений и строят свои предположения («... нападение, которое, как можно ожидать, ...»), а не на реальных потерях среди гражданского населения. Однако вопрос заключается не в том, чтобы выяснить, что те, кто готовил нападение или принимал решение о его осуществлении, предполагали, что это нападение повлечет за собой чрезмерные потери и ущерб, а в том, что они «должны были предполагать» такой ход событий⁶⁸. Комиссия МУТЮ предлагает исходить из того, что мы имеем дело

⁶⁷ См. ТПИУ, *Final Report NATO Bombing*, para. 48.

⁶⁸ Antonio Cassese, «Means of warfare: the traditional and the new law», dans Antonio Cassese (éd.), *The New Humanitarian Law of Armed Conflict*, Editoriale Scientifica s.r.l., Naples, 1979, p. 176; Kalshoven, *op. cit.* (примечание 44), p. 118.

со «здравомыслящим военным командиром»⁶⁹. В случае положительного ответа нападающий будет нести ответственность на основании статьи 85(3)(b) и (c) Протокола I или статьи 8 (2)(b)(iv) Статута Международного уголовного суда. Необходимо однако отметить, что содержащееся в Протоколе I требование того, чтобы нападение было причиной смерти или серьезных телесных повреждений (ст. 85(3)), в сочетании с положением, в соответствии с которым командиры должны были знать, что нападение повлечет за собой чрезмерные потери и ущерб (ст. 85(3)(b) и (c)), значительно сужает возможность причислить нарушения принципа соразмерности к военным преступлениям.

- Комплексный подход к понятию нападения

Потери среди гражданского населения и ущерб гражданским объектам должны быть уравновешены «конкретным и непосредственным военным преимуществом, которое предполагается получить». В заявлениях о толковании этого положения при ратификации Протокола I предлагалось рассматривать «военное преимущество, которое предполагается получить» как «преимущество, которое предполагается получить от нападения в целом, а не от отдельных его этапов»⁷⁰. В своих заявлениях государства отдавали, таким образом, предпочтение подходу, основанному не на краткосрочной или долгосрочной перспективе, а на перспективе среднесрочной: военное преимущество и соблюдение принципа соразмерности оцениваются применительно к каждому нападению в целом; не принимаются во внимание ни отдельный этап нападения, если эта военная операция проводится одновременно в нескольких местах, ни военная кампания в целом.

⁶⁹ См. ТРИУ, *Final Report NATO Bombing*, para. 50.

⁷⁰ Оговорки и заявления, сделанные Францией при присоединении к Протоколу I 11 апреля 2001 г. (п.10). См. соответствующие заявления Германии (п. 5), Бельгии (п. 5), Канады («Военное преимущество»), Испании («Статьи 51, 52 и 57»), Италии (п. 6), Новой Зеландии (п. 3), Нидерландов (п. 5) и Великобритании (i). Ни одно государство-участник Протокола I не выдвинуло возражений против этих заявлений. Тексты оговорок и заявлений размещены на сайте Федерального Совета Швейцарии (примечание 34), а также опубликованы в: Dietrich Schindler et Jiri Toman (éds.), *Droit des conflits armés. Recueil des conventions, r solutions et autres documents*, Comité international de la Croix-Rouge/Institut Henry Dunant, Genève, 1996, pp. 849 et suiv.

Именно такой подход применила комиссия МУТЮ при анализе воздушно-бомбовых ударов, которые НАТО наносила в Югославии: после бомбардировки СРТ комиссия выясняла, как соблюдался принцип соразмерности между ущербом, нанесенным гражданскому населению (в здании СРТ погибли гражданские лица), и конкретным и непосредственным военным преимуществом, которое предполагалось получить, уничтожив сеть КЗ (командование, контроль и коммуникации), причем операция по ликвидации этой сети рассматривалась в целом, без ее привязки к бомбардировке СРТ, которая была лишь одним из этапов этой операции⁷¹. По заключению комиссии, случайные потери, несмотря на то, что они были большие, не являлись в данном случае чрезмерными⁷².

В Статуте Международного уголовного суда принимается общепринятое толкование: в этом документе говорится о «конкретном и непосредственно ожидаемом общем военном превосходстве» (ст. 8(2)(b)(iv) (*выделено автором*)). Под «конкретным и непосредственным» авторы Комментария к Протоколу I понимают «достижение серьезного результата в относительно короткие сроки и вовсе не имеют в виду преимущества, которые окажутся незначительными или результаты которых проявятся по истечении длительного периода»⁷³.

- Принцип соразмерности как норма обычного права

Подавляющее число авторов, если не все, считают, что еще до своей кодификации в Протоколе I принцип соразмерности являлся обычной нормой гуманитарного права⁷⁴. При этом вполне возможно, что формулирование этого принципа в Протоколе I выходит за рамки простой

71 ТПИУ, *Final Report NATO Bombing*, para. 78.

72 *Ibid.*, para. 77.

73 Sandoz, Swinarski et Zimmerman (éds), *op. cit.* (примечание 9), para. 2209.

74 Например, Jost Delbrück, «Proportionality», dans Rudolf Bernhardt (éd.), *Encyclopedia of Public International Law*, Vol. III, Elsevier North-Holland, Amsterdam, 1997, p. 1142; Fenrick, *op. cit.* (примечание 45), pp. 96 et 125; Judith Gail Gardam, «Necessity and proportionality in *jus ad bellum* and *jus in bello* in the General Assembly Advisory Opinion», dans Laurence Boisson de Chazournes et Philippe Sands (éd.), *International Law, the International Court of Justice and Nuclear Weapons*, Cambridge University Press, Cambridge, 1999, p. 284; Kalshoven, *op. cit.* (примечание 44), p. 116; Stephan Oeter, «Methods and means of combat», in Dieter Fleck (éd.), *The Handbook of Humanitarian Law in Armed Conflicts*, Oxford University Press, Oxford, 1999, pp. 178, 180 et 183; Rogers, *op. cit.* (примечание 58), p. 176.

кодификации, поскольку в этом документе его содержание получило дальнейшее развитие и конкретизацию⁷⁵. Довольно поздно принцип соразмерности приобрел характер нормы обычного права; произошло это, несомненно, после Второй мировой войны, во время которой на долю гражданского населения выпали ужасные испытания⁷⁶. Эта точка зрения, которая разделяется большинством исследователей, находит свое подтверждение в заявлениях государств, а также в документах негосударственных учреждений (обращения МККК, доклады ООН, циркулярное письмо Генерального секретаря ООН и т.п.), которые касаются как международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов⁷⁷. Международная судебная практика также допускает, что требование соблюдать принцип соразмерности можно рассматривать как норму обычного права⁷⁸.

В докладе комиссии МУТЮ говорится об «обычном принципе соразмерности», об обязательстве избегать причинения ущерба экономической инфраструктуре и природной среде, который можно оценить как чрезмерный в долгосрочном плане, а также о запрещении нападения, которые, как можно ожидать, попутно повлекут за собой ущерб, который будет чрезмерным по отношению к предполагаемому военному преимуществу⁷⁹. Еще до того, как силы НАТО начали военные операции, Совет Безопасности ООН осудил чрезмерное и неизбирательное применение

⁷⁵ См. Hans-Peter Gasser et Theodore Meron, in *Customary Law and Additional Protocol I to the Geneva Conventions for Protection of War Victims: Future Directions in Light of the U.S. Decision Not to Ratify*, American Society of International Law, Proceedings of the 81st Annual Meeting, Boston, Massachusetts, 8–11 avril 1987, pp. 33 et 34.

⁷⁶ См. Judith Gail Gardam, «Proportionality and force in international law», *American Journal of International Law*, Vol. 87, 1993, p. 401 et note 58.

⁷⁷ См. подробнее Balguay-Gallois, *op. cit.* (примечание 33), pp. 494–500 et 502–506. Следует отметить, что ни в Протоколе II, ни в статье 3, общей для Женевских конвенций, ни в Статуте Международного уголовного суда не содержится ни одного положения, где бы прямо говорилось о принципе соразмерности, хотя косвенный намек на него можно найти в некоторых статьях (статья 15 Протокола II и статья 8(2)(е)(xii) Статута Международного уголовного суда).

⁷⁸ Например, ТПИУ, *Procureur c. Milan Martić* (IT-95-11-R61), Décision du 8 mars 1996, para. 18; ТПИУ, *Procureur c. Zoran Kupreskic et consorts* (IT-95-16-T), Jugement du 14 janvier 2000, paras. 524 et 526; ТПИУ, *Procureur c. Dragoljub Kunarac et consorts* (IT-96-23-T et IT-96-23/1-T), Jugement du 22 février 2001, para. 426.

⁷⁹ ТПИУ, *Final Report NATO Bombing*, paras. 18-20.

силы сербскими силами безопасности и югославской армией, что привело к многочисленным жертвам среди гражданского населения и участников мирной демонстрации в Косово⁸⁰.

Принцип соразмерности является руководством к действию в том смысле, что не предписывает конкретных норм, а указывает общую линию поведения. Гибкость этого принципа гуманитарного права обуславливает одновременно и его силу, и его слабость. Силу — потому что доктрину, которая бы вообще запрещала применение силы, влекущее за собой потери среди гражданского населения, нельзя было бы применять по причине ее несовместимости с требованиями военной необходимости. Слабость — потому что высокая степень субъективности предполагает большую свободу выбора, чем и пользуется сторона, прибегающая к применению силы. И все же принцип соразмерности предлагает определенный стандарт для очевидных случаев, например, при планировании массированной бомбардировки незначительных военных объектов, расположенных в густо населенной местности. В более неоднозначных ситуациях будет труднее принять решение, однако «...в подобных случаях (...), в первую очередь, следует учитывать интересы населения»⁸¹.

Обязательство заблаговременно предупреждать о нападении

Хотя представители НАТО утверждали, что «сделано было все возможное, чтобы избежать жертв среди гражданского населения и ущерба гражданским объектам» при бомбардировке СРТ⁸², высказывались сомнения относительно соблюдения обязательства заблаговременно предупреждать гражданское население о нападении, которое предусмотрено в статье 57(2)(с) Протокола I: «..делается эффективное заблаговременное предупреждение о нападениях, которые могут затронуть гражданское население, за исключением тех случаев, когда обстоятельства этого не позволяют». Что же касается американской бомбардировки представительств катарского телевидения «Аль-Джазира» и телевидения Абу-Даби 8 апреля в Багдаде, в результате которой один журналист погиб, а другой

⁸⁰ Резолюция Совета Безопасности 1160 от 31 марта 1998 г. (ONU S/RES/1160(1998), преамбула, ч. 3; резолюция Совета Безопасности 1199 от 23 сентября 1998 (ONU S/RES/1199 (1998), преамбула, ч. 6.

⁸¹ Sandoz, Swinarski et Zimmerman (éds.), *op. cit.* (примечание 9), para. 1979.

⁸² Amnesty International, *op. cit.* (примечание 50), p. 39.

был ранен, представляется, что и в этом случае журналисты не получали никакого предупреждения о готовящемся нападении⁸³.

Требование предупреждать о нападениях было кодифицировано задолго до принятия Протокола, его можно обнаружить и в некоторых документах, принятых после него⁸⁴. Основная цель этой нормы заключается в том, чтобы дать некомбатантам возможность укрыться и тем самым защититься от последствий запланированного нападения, а также позволить неприятельским властям эвакуировать гражданских лиц или отвести их в защищенные места (например, убежища). И хотя это обязательство преследует благородную цель, оно носит не слишком обязательный характер, когда речь заходит об общей защите гражданских лиц и объектов, поскольку сформулировано оно нечетко и содержит к тому же определенные ограничения, связанные с военной необходимостью. И в то же время в положениях, касающихся специальной защиты некоторых категорий лиц и гражданских объектов (гражданских больниц, гражданских санитарных формирований и организаций гражданской обороны), требование давать заблаговременное предупреждение сформулировано гораздо более четко. Если военные власти узнают, что находящиеся под специальной защитой лица или объекты совершают враждебные действия или подвергаются таковым, они могут немедленно прекратить предоставлять защиту, которая распространяется на эти лица или объекты: «Покровительство, однако, прекращается только после соответствующего предупреждения во всех необходимых случаях устанавливающего ра-

83 «Reporters sans frontières indignée par le bombardement d'Al-Jazira Bagdad», сообщение для прессы, см. на сайте <<http://www.rsf.org>>.

84 См. статью 19 Инструкций полевым войскам США, составленных Ф. Либером и объявленных президентом Линкольном в качестве Приказа п° 100 от 24 апреля 1863 г. (далее: «Кодекс Либера»); art. 16 du *Projet d'une Déclaration internationale concernant les lois et coutumes de la guerre*, Bruxelles, 27 août 1874; art. 33 du *Manuel des lois de la guerre sur terre*, adopté par l'institut de droit international la session d'Oxford, 9 septembre 1880 (далее: «Оксфордское руководство»); статью 26 Положения, прилагаемого к Конвенции (IV) о законах и обычаях сухопутной войны (Гаага, 1907 г.); статью 6 Конвенции (IX) о бомбардировании морскими силами во время войны (Гаага, 1907 г.); статью 5(2) Протокола о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств (Протокол II к Конвенции 1980 г. о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия); статью 3(11) и статью 6 Протокола о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств с поправками, внесенными 3 мая 1996 г. (Протокол II к Конвенции 1980 г. о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия).

зумный срок и не давшего результатов»⁸⁵. Это более строгое требование делать предупреждение о планируемом нападении не имеет отношения к журналистам, однако они, будучи гражданскими лицами, пользуются защитой, которая предоставляется им на основании статьи 57(2)(с) Протокола I.

- Обязательство заблаговременно предупреждать о нападениях: ограничения и исключения

В положениях традиционного права войны, касающихся общей защиты гражданских лиц и объектов, обязательство предупреждать о нападениях рассматривается как необходимость принять меры для достижения определенного результата, а не обязательство достичь определенного результата, так как прежде, чем преступить к бомбардировке, командир «должен сделать все от него зависящее для предупреждения о сем власти»⁸⁶. Это выражение уже не употребляется в соответствующих положениях современных договоров — Протокола I или Протокола 1980 г. о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств.

Командир может отступить от правила, требующего сделать предупреждение о нападении, сославшись на свой долг обеспечивать безопасность находящихся у него в подчинении комбатантов⁸⁷. Так, представители НАТО заявили, что никаких конкретных предупреждений о предстоящей бомбардировке СРТ 23 апреля 1999 г. сделано не было, чтобы не подвергать опасности жизнь пилотов⁸⁸. Еще раз следует подчеркнуть, что в данном случае речь идет о том, насколько сбалансированы во-

⁸⁵ Статья 19 Женевской конвенции IV, см. также статьи 13(1) и 65(1) Протокола I.

⁸⁶ Статья 16 Брюссельской декларации (1874 г.); статья 26 Гаагского положения (1907 г.); статья 6 Конвенции IX (Гаага, 1907 г.).

⁸⁷ В заявлениях, касающихся толкования статьи 50(1) Протокола I, которые некоторые государства сделали при ратификации этого договора, упоминается «обязанность командира обеспечить безопасность находящихся под его командованием войск» (например, Франция, оговорки и заявления, сделанные при ратификации Протокола I (11 апреля 2001 г.), п. 9; Великобритания, оговорки и заявления, сделанные при ратификации Протоколов (28 января 1998 г.), п. h. См. также U.S., *Report to Congress on the Conduct of the Persian Gulf War*, *op. cit.* (примечание 30), pp. 622, 625; *Doctrine de d fense britannique* (JWP 0-01), publiée par le Ministère britannique de la défense.

⁸⁸ Amnesty International, *op. cit.* (примечание 50), p. 44.

енная необходимость и требования гуманности, а определить эту сбалансированность должны, в первую очередь, военные командиры, решения которых можно оценить *a posteriori* на основании критерия «здравомыслящего военного командира»⁸⁹.

Некоторые международные документы и кодексы в явной форме допускают еще два исключения из правила, требующего делать предупреждение о нападении: это обязательство не соблюдается в случае проведения штурма («...атаки открытою силою ...»)⁹⁰ или когда фактор неожиданности является решающим для успешного проведения военной операции⁹¹; в последнем случае предупреждение исключается, потому что с военной точки зрения оно контрпродуктивно⁹². Тем не менее, говоря о бомбардировках НАТО в Югославии, следует отметить, что ссылки на «фактор неожиданности» или опасность, которой подвергаются комбатанты, лишены основания, особенно когда у нападающего абсолютное превосходство в воздухе или когда оборонительные возможности атакующей стороны не представляют большой опасности⁹³.

В статье 57(2)(с) Протокола I содержится требование делать заблаговременное предупреждение «... за исключением тех случаев, когда обстоятельства этого не позволяют ...»; эта оговорка является своего рода уступкой принципу военной необходимости, без которой норма о предупреждении вряд ли была бы включена в Протокол⁹⁴. Предпочтение, отданное выражению «за исключением тех случаев, когда обстоятельства этого не позволяют», а не положительному утверждению («всегда, когда обстоятельства это позволяют», «если военная необходимость это позво-

⁸⁹ ТРИУ, *Final Report NATO Bombing*, para. 50.

⁹⁰ Статья 16 Брюссельской декларации (1874 г.); статья 33 Оксфордского руководства (1880 г.); статья 26 Гаагского положения (1907 г.).

⁹¹ Статья 19 Кодекса Либера (1863); *U.K. Manual of Military Law*, para. 291; *Manuel militaire canadien*, para. 29; *U.S. Army Field Manual*, para. 43.

⁹² Sandoz, Swinarski et Zimmerman (éds.), *op. cit.* (примечание 9), para. 2223.

⁹³ См. Peter Rowe, «Kosovo 1999: The air campaign», *Revue internationale de la Croix-Rouge*, N° 837, mars 2000, p. 154.

⁹⁴ В ходе Дипломатической конференции 1974-1977 гг. в Женеве 20 делегаций проголосовали за выражение «всегда, когда обстоятельства это позволяют», 37 – за выражение «за исключением тех случаев, когда обстоятельства этого не позволяют», и 8 делегаций высказались за то, чтобы не включать в текст Протокола ни одного из этих выражений.

ляет», «если возможно»), несколько усиливает обязательный характер правила, требующего делать предупреждение. Чтобы повысить эффективность защиты гражданских лиц в целом и журналистов в частности, следует, очевидно, добиваться соблюдения требования делать заблаговременное предупреждение, «за исключением тех случаев, когда обстоятельства этого не позволяют». Под «обстоятельствами» нужно понимать обстоятельства, влияющие на успешное проведение военной операции или имеющие отношение к безопасности комбатантов, что соответствует вышеупомянутым исключениям.

По смыслу пункта 2, подпункта «с» статьи 57 данное правило не соблюдается, когда нападение не затрагивает гражданское население, — либо потому что поблизости от военного объекта нет гражданских лиц (никаких предупреждений комбатантам не делается), либо потому что применяемые военные средства гарантируют гражданским лицам безопасность (т.н. «точечные» удары, которые наносятся исключительно по военному объекту).

- Обязательство делать «заблаговременное» и «эффективное» предупреждение

В Протоколе I 1977 г. содержится требование делать «эффективное заблаговременное» предупреждение. По мнению Луизы Досвальд-Бек, «те, кто может производить предупреждение, выбирая для этого тот или иной способ, должны руководствоваться здравым смыслом, что неизбежно означает принятие мер по обеспечению безопасности нападающего»⁹⁵. Не вызывает сомнения, что норма, закрепленная в статье 57(2)(с), не требует, чтобы предупреждение делалось соответствующим властям; как достаточно эффективное должно рассматриваться прямое предупреждение, адресованное населению (разбрасываемые с самолета листовки, радиосообщения, оповещение через громкоговоритель и т.п.) и призывающее их не выходить из домов или не находиться вблизи от некоторых военных объектов.

⁹⁵ Louise Doswald-Beck, «The value of the 1977 Geneva Protocols for the protection of civilians», dans Michael A. Meyer (éd.), *Armed Conflict and the New Law: Aspects of the 1977 Geneva Protocols and the 1981 Weapons Convention*, The Chameleon Press Ltd, Londres, 1989, p. 170, note 73.

Как правило, предупреждение делается незадолго до самого нападения, чтобы неприятель не смог эвакуировать объекты, против которых оно направлено. Иногда предупреждения делаются просто в виде предупреждений общего характера или угроз: в таких заявлениях говорится о возможном нанесении ударов по определенным зонам или объектам, они лишены каких-либо уточняющих деталей, что позволяет сохранить преимущество, обусловленное фактором неожиданности. Однако вызывает сомнение, что предупреждение, сделанное задолго до совершения нападения или содержащее только намеки или противоречивую информацию, отвечает требованиям, сформулированным в статье 57. Существует опасность, что гражданское население не воспримет его всерьез. Именно поэтому желательно требовать, чтобы предупреждение было «эффективным и заблаговременным». Перед бомбардировкой СРТ предупреждение было сделано нескольким лицам – президенту Си-Эн-Эн, западным журналистам, работающим в помещении СРТ, югославским руководителям⁹⁶. По словам сотрудников СРТ и представителей югославского правительства, власти не верили, что телецентру угрожает серьезная опасность, так как с момента первых предупреждений прошло много времени⁹⁷. «Международная амнистия» считает, что в данном случае по-настоящему четкого предупреждения не было сделано⁹⁸, а по мнению комиссии МУТЮ предварительное предупреждение, сделанное НАТО, может рассматриваться, с учетом обстоятельств, как сделанное с соблюдением необходимых требований⁹⁹.

Может ли нападающий не считать себя обязанным принимать меры предосторожности по отношению к гражданскому населению, сделав предупреждение, даже если население не восприняло его всерьез? Утвердительный ответ не соответствовал бы букве и духу Женевских конвенций и Протокола I.

⁹⁶ Amnesty International, *op. cit.* (примечание 50), pp. 43-44; Natalie Nougayrede, «Des victimes du bombardement de la Télévision serbe par l'OTAN se retournent contre Slobodan Milosevic», *Le monde*, 2 novembre 1999.

⁹⁷ Human Rights Watch, *op. cit.* (примечание 54).

⁹⁸ Amnesty International, *op. cit.* (примечание 50), p. 44.

⁹⁹ ТРИУ, *Final Report NATO Bombing*, para. 77.

В 1987 г. подполковник Карнахэм, сотрудник штаба вооруженных сил США¹⁰⁰, и Майкл Дж. Матесон, заместитель юридического советника министерства обороны США¹⁰¹, высказали мнение о том, что требование делать предупреждение является нормой обычного права. Эта точка зрения правоведов нашла свое подтверждение в довольно последовательных действиях государств в период внутренних и международных вооруженных конфликтов¹⁰².

Нам представляется, что норма, требующая заблаговременного предупреждения, применяется также к силам ООН и другим многонациональным силам. Так, Соединенные Штаты, которые возглавляли объединенное командование во время войны в Корее (1950–1953 гг.), утверждали, что каждый день предупреждали гражданских лиц с помощью специальных радиопередач и разбрасываемых с самолетов листовок, призывая их не находиться вблизи от военных объектов, которые должны были подвергаться бомбардировкам¹⁰³. Еще один аналогичный пример: в правилах применения силы сил МООНГ (Миссия Организации Объединенных Наций в Гаити, 1993–1995 гг.) содержалось указание, в соответствии с которым, «если возможно, перед использованием силы следует сделать предупреждение». Организация «Врачи без границ» сообщила, что силы ЮНОСОМ II (Операция Организации Объединенных Наций в Сомали II, 1993–1995 гг.) предупреждали НПО, а иногда и

100 Lieutenant Colonel Burrus M. Carnahan, dans *Customary Law and Additional Protocol I to the Geneva Conventions for Protection of War Victims: Future Directions in Light of the U.S. Decision not to Ratify*, American Society of International Law, Proceedings, of the 81st Annual Meeting, Boston, Massachusetts, 8-11 avril 1987, p. 37.

101 Michael J. Matheson, in «The Sixth Annual American Red Cross – Washington College of Law Conference on International Humanitarian Law: A Workshop on Customary International Law and the 1977 Protocols Additional to the 1949 Geneva Conventions», *American University Journal of International Law and Policy*, Vol. 2, 1987, p. 427.

102 Обязательство делать предупреждения соблюдалось, в частности, во время войны в Испании (1936-1939 гг.), Второй мировой войны, ирако-иранского конфликта (1980-1989 гг.), Фолклендского конфликта (1982 г.), израильской операции «Мир в Галилее» (1982 г.), войны в Персидском заливе (1991 г.), гражданской войны в Руанде (1993 г.). Более подробно см. Balguy-Gallois, *op. cit.* (примечание 33), pp. 449-452.

103 Записка от 2 сентября 1950 г., адресованная председателю Совета Безопасности постоянным представителем США в ООН, служившая сопроводительным письмом к 3-му докладу Командования ООН в Корее (документ ONU S/1756, P.-V. officiel, supplément septembre-décembre 1950, p. 18), передача которого предусматривалась резолюцией Совета Безопасности от 7 июля 1950 г. (S/1588).

гражданское население о предстоящих военных операциях в населенных пунктах¹⁰⁴.

Соответствие используемых средств намеченной цели

В обращении к «Международной амнистии» от 17 мая, посвященном бомбардировке СРТ, НАТО утверждало, что «сделало все возможное, чтобы избежать потерь среди гражданского населения и нанесения случайного ущерба ...»¹⁰⁵, как того требуют положения статьи 57 («Меры предосторожности при нападении») Протокола I. Имевшие место нападения на СРТ в Югославии, корпункт катарского телевидения «Аль-Джазира» в Афганистане и в Багдаде, палестинский радио- телецентр в Рамалле¹⁰⁶ заставляют поставить вопрос более общего характера: являются ли бомбардировки радио- и телецентров и их оборудования тем средством, которое в наибольшей степени отвечало бы поставленной цели? В соответствии с пунктом 2 статьи 52 Протокола разрушение военного объекта не является единственно возможным решением, существуют еще захват и нейтрализация, которые могут оказаться достаточными для достижения намеченной цели. В первую очередь, применение иных способов оправдано с военной точки зрения, исходя из соображений экономики и концентрации средств, поскольку разрушение военного объекта сопряжено с уничтожением военного оборудования и расходом боеприпасов. Но особенно оправдано использование других методов с гуманитарной точки зрения, когда речь идет о том, чтобы «свести к минимуму потери жизни среди гражданского населения» (ст. 57(2)(a)(ii) Протокола I).

С учетом вышесказанного, может быть, следует отдавать предпочтение в максимально возможной степени не бомбардировке, а иным решениям? В случае со «Свободным радио и телевидением тысячи холмов» и «Радио Руанды», которые после 6 апреля 1994 г. стали призывать население совершать акты геноцида, предложение правозащитных и гумани-

¹⁰⁴ Communications et déclarations de Médecins Sans Frontières, 1993 (archives).

¹⁰⁵ Amnesty International, *op. cit.* (примечание 50), p. 39.

¹⁰⁶ 12 декабря 2001 г. здание Палестинского радио и телевидения было обстреляно израильской армией (см. ежегодный доклад организации «Репортеры без границ» за 2000 г. на сайте <<http://www.rsf.org>>).

тарных организаций прекратить вещание, осуществлявшееся этими радиостанциями, или глушить их передачи, не получило поддержки якобы из-за возникших трудностей технического и правового порядка¹⁰⁷. Однако, как считают организация «Хьюман райтс уотч» и Международная федерация Лиг защиты прав человека, вещание этих двух радиостанций можно было прекратить, не прибегая к каким-либо военным операциям¹⁰⁸. Много подобной информации содержится и в докладе созданной бельгийским сенатом парламентской комиссии по расследованию событий в Руанде (1997 г.)¹⁰⁹. В этом докладе упоминаются также меры по глушению радиопередач, содержащих призывы к совершению насильственных действий в отношении сотрудников ООН в Сомали¹¹⁰.

Выводы

Из вышесказанного следует, что журналисты и оборудование средств массовой информации пользуются неприкосновенностью: журналисты — как гражданские лица, материальная часть — на основании положений об общей защите, которую гуманитарное право предоставляет гражданским объектам. Однако речь не идет об абсолютной неприкосновенности. Журналист лишается ее, если принимает непосредственное участие в военных действиях и на весь период такого участия. Запрещается нападать на средства массовой информации, даже если они используются в пропагандистских целях, однако этот запрет не действует, если СМИ используются в военных целях или для подстрекательства к совершению серьезных нарушений международного гуманитарного права, актов геноцида или насилия. Но даже и в этих случаях при осуществлении нападения на средства массовой информации необходимо принимать все практически возможные меры предосторожности с тем, что-

¹⁰⁷ TPIR, *Procureur c. Georges Ruggiu* (IT-97-32-I), Acte d'accusation amendé du 10 décembre 1998, p. 7, para. 1.25.

¹⁰⁸ *Aucun t moïn ne doit survivre. Le g nocide au Rwanda*, Human Rights Watch et Fédération internationale des ligues des droits de l'homme, Ed. Karthala, Paris, 1999, pp. 33-34.

¹⁰⁹ Дивизионный генерал Ромео Даллер, командующий силами ООН по поддержанию мира в Кигали, заявил, что, «если бы в его распоряжении имелось соответствующее оборудование для глушения радиопередач, в Руанде можно было бы спасти от смерти многих людей» (TPIR, *Procureur c. Georges Ruggiu*, *op. cit.* (примечание 107), p.7, para. 1.25.

¹¹⁰ Para. 3.11.4.2 («Actions militaires») du rapport.

бы избежать потерь среди гражданского населения, ранений гражданских лиц и ущерба гражданским объектам или, во всяком случае, свести их к минимуму. В частности, те, кто планирует нападение или принимает решение о его осуществлении, должны следить за соблюдением принципа соразмерности, в соответствии с которым должно быть установлено разумное соотношение между случайным ущербом от такого нападения и предполагаемым военным преимуществом, а также делать эффективное и заблаговременное предупреждение о нападении, за исключением тех случаев, когда обстоятельства этого не позволяют. В свете последних событий в Ираке и в других регионах мира все чаще высказывается мысль о принятии нового международно-правового акта. Целью этого договора было бы, в первую очередь, подтверждение международного гуманитарного права, применяемого к журналистам и средствам массовой информации в период вооруженного конфликта. Это способствовало бы восстановлению значимости определенных основополагающих норм и официально подтвердило бы их обязательный характер, что крайне важно, поскольку они нарушаются на практике. Этот документ позволил бы также пересмотреть и развить положения существующего права, чтобы адаптировать его к новым условиям. Следует, например, сформулировать обязательство для сторон в конфликте оказывать содействие при установлении фактов в случае нападения, повлекшего за собой потери жизни среди журналистов и ущерб установкам и оборудованию средств массовой информации¹¹¹; такое содействие могло бы, в частности, выражаться в том, что стороны в конфликте обменивались бы с заинтересованными лицами соответствующей информацией, которой они располагают, и передавали бы ее в полном объеме и оперативно. Кроме того, в этом документе можно было бы усилить обязательство делать предупреждение, которое предусматривается статьей 57 Протокола I. Правовые нормы стали бы более содержательными, если бы более четко были сформулированы такие понятия, как «непосредственное участие в

¹¹¹ Из-за пассивного отношения государств журналистские организации иногда проводят собственное расследование с целью установления фактов, касающихся событий, в ходе которых страдают журналисты; по поводу обстрела американцами гостиницы «Палестина» в Багдаде (8 апреля 2003 г.) см. Reporters sans frontières, *Deux meurtres pour un mensonge*, enquête de Jean-Paul Mari, janvier 2004, материал представлен на сайте <<http://www.rsf.org>>.

боевых действиях», статус прикомандированных журналистов в случае захвата в плен, защита средств массовой информации, используемых в пропагандистских целях, и пределы этой защиты, равенство прав и одинаковая защита журналистов, независимо от их профессионального статуса, гражданства, принадлежности к личному составу вооруженных сил и т.д. И наконец, помимо вопроса о подтверждении и развитии права, применяемого к журналистам и средствам массовой информации в период вооруженного конфликта, встает главная проблема, касающаяся выполнения гуманитарного права и санкций за его нарушения. В связи с этим было бы правильно, если бы в новом документе содержалось напоминание государствам о том, что в соответствии со статьями Женевских конвенций 49/50/129/146 соответственно и статьей 85 Протокола I они обязаны пресекать серьезные нарушения вышеупомянутых норм, направленные против журналистов или гражданского имущества, которые они используют в своей профессиональной деятельности. Что же касается характера такого нового документа, то здесь можно предположить заключение межгосударственного соглашения или принятие какой-либо международной организацией соответствующего акта в одностороннем порядке (например, резолюции Генеральной ассамблеи ООН, кодекса поведения, принятого соответствующими органами НАТО и т.д.).